

ВВЕДЕНИЕ К ТОМУ 10

Данный том открывает работа В.Р. Дубичева, в которой предлагаются интервью со мной. Осознавая «скромность» своего поступка, тем не менее скажу два слова о создании этой книги.

Первоначально мы подготовили несколько брошюр наших бесед к предвыборной кампании 2016 г. Книжечки получились хоть и предвыборные, но любопытные, поскольку в них — не обещания изменить мир, а показать кандидата (т.е. автора этих строк), его жизнь, корни. Однако по разным причинам вышла только одна брошюра «Философия любви Павла Крашенинникова». Как и предполагали коллеги — Ирина Зиновьевна Заринская, Александр Рифатович Урманов, Вадим Рудольфович Дубичев, — брошюра читалась и передавалась из рук в руки.

После выборов мы решили не бросать начатое дело и провели целую серию бесед в Екатеринбурге и Москве. Вот и вышла книга. Спасибо автору за настойчивость и копание в архивах. По себе знаю, что это такое.

Самые лучшие рецензии — это когда друзья, знакомые и коллеги говорят: «У нас в семье такая же история: насильственная коллективизация, великие стройки, жертвы войны, оттепель...» Да, это про нас всех, ну или почти про всех.

Среди прочего в названной книге есть размышления о государстве и праве.

В том десятом содержатся также интервью, опубликованные в «Российской газете», «Парламентской газете», «Известиях» и «Областной газете» (Екатеринбург).

Библиографический список, помещенный в завершающем разделе тома, составлен Олегом Юрьевичем Шиловым и Екатериной Николаевной Лифановой.

Указатель имен к томам 1—10 настоящего издания сформирован Александром Геннадьевичем Долговым и Верой Юрьевной Станковской.

РОДИТЕЛЬНЫЙ И ДАТЕЛЬНЫЙ

РОДИТЕЛЬНЫЙ И ДАТЕЛЬНЫЙ

Беседы с Павлом Крашенинниковым

Вадим Дубичев

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Диалоги хорошо вести за чашкой чая. Мы с Павлом Владимировичем Крашенинниковым сидели друг напротив друга в его домашнем кабинете. За окнами перемигивались огоньками переулки вечерней Москвы. Из гостиной доносились невнятные обрывки новостных репортажей. Огромная страна начинала пробуждаться от новогодней праздничной спячки далеким гулом нарастающего потока машин на проспектах Первопрестольной. 2017 год начинал свой поход в неизведанное будущее. А мы, как два пилигрима перед посадкой на корабль, который готов к выходу в бушующее море, мирно попивали чаек с сухариками и рассуждали о судьбе человека.

— *Что приходит Вам на ум как определение судьбы?*

— Кирпич никому на голову просто так не падает... — легко ответил Крашенинников, помешивая ложечкой в чашке. — Булгаков, если не ошибаюсь.

— *«Мастер и Маргарита».* Действительно, с прояснения судьбы начинается роман, сцена на Патриарших прудах. Воланд спорит с Берлиозом о предопределенности событий и перебивает композитора, который уверен, что знает свои планы на остаток вечера: «Кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится. В частности же, уверяю вас, вам он ни в коем случае не угрожает. Вы умрете другой смертью».

Профессор Алексей Ильич Осипов, знакомством с которым я горжусь, видит свободу человека в выборе жития по заповедям Христа или в отказе от них. А для православного взгляда второе означает обрушение в союз с врагом человеческим и непременно страдания. Что, собственно, с Берлиозом и случилось. Фокус в том, что христиане не верят в судьбу, а предлагают искать промысел Божий и опираться на него.

Крашенинников откусил кусочек сухарика. В богословский спор он втягиваться не спешил.

— Сложный вопрос. Очевидно, что русская культура основывается на христианской системе ценностей, на христианской доктрине. Систему образов и кодов Сергея Есенина трудно воспринять, если ты как минимум не знаком с годичным православным календарем и народными праздничными обрядами. Хотя это замечание относится и к западной культуре, которая пропитана христианством. Вспомним хотя бы постоянно апеллирующий к Ветхому Завету «Моби Дик» Германа Мелвилла.

Но если говорить о философии русского права, что я могу себе позволить, как профессиональный юрист и историк права, сказать, — заметил Крашенинников, — что русская правовая культура — это не только отражение христианского видения, но одновременно и античная философия отношения к человеку и миру. Если упрощать до предела, то я бы сказал, что культура и право — словно две школы — церковнославянская и классическая. Для последней характерно античное отношение к судьбе, где предопределенность, неизбежность событий являются основой понимания будущего. Хотя бы с точки зрения неотвратимости наказания за преступления.

Вспомни, гомеровские Айса и Мойра своим космическим жребием предопределяют судьбу не только человека, но даже верховных богов — Посейдона, Зевса, Аида, и те жребий принимали: «Натрое все разделено было, и каждый получил свою долю».

Реальное русское сознание, отношение к судьбе — это сложное переплетение православной свободы спасения и одновременно подчиненности року, судьбе. Но едва ли приходится удивляться такой сложности русской национальной души, если вспомнить определение современного россиянина, данное Александром Зиновьевым: мы уникальный гибрид православия, советскости и западнизма. И это не является нашим недостатком, а есть наша сила. По Зиновьеву.

— Я бы не стал, Павел Владимирович, преувеличивать приверженность фатализму современного россиянина. То, что в пословицах типа «кому

суждено быть повешенным — не утонет» звучит как мрачный фатализм, может оказаться и простым жизненным установлением, своего рода духовной практикой, позволяющей перетерпеть, пережить мучительные события в жизни. Дальше-то ведь русский человек приговаривает «не так страшен черт, как его малюют» и «глаза боятся, а руки делают». И идет дальше, делая свое дело.

Куда более существенный водораздел в отношении к судьбе и предопределенности жизни мне видится в двух разных конфессиональных системах — в индуистской и в христианской. Деяния человека — действенный инструмент для корректировки будущих перерождений и в то же время страшное обременение — для индуиста. А мы, европейцы, живем, видя свой жизненный путь как уникальный, разовый. А дальше видится очередной перекресток. Ортодоксальные либералы прекращение земного бытия и свободу от несуществующего для них Бога понимают как разрешение на максимальную личную свободу в пределах двух дат — рождения и смерти, без всякого рода обязательств перед народом и историей, перед семьей и судьбой. А люди верующие самых разных конфессий ощущают ответственность за будущее после смерти. С тем и живем...

Пилигримы начали свой путь. Равно как началась эта книга, разворачивая перед читателями судьбу нашего современника — Павла Владимировича Крашенинникова, относимого многими к категории великих российских правоведов. Правда, сам он с такой оценкой своего вклада в юриспруденцию категорически не согласился. Мы поспорили, но я настоял на праве иметь свое мнение.

Этот текст возник на основе моего личного диалога с Павлом Владимировичем. Сначала, движимый банальным любопытством к жизни этого весьма закрытого для общения человека и в силу его понятной занятости, в силу откровенной нелюбви к публичности, я пытался понять феномен исторической личности, приобщенной к великим событиям России.

Затем замысел книги стал претерпевать серьезные трансформации.

Чем предопределена судьба человека, его жизненные и политические устремления? Можно ли уверенно определить истоки взлета к вершинам власти человека из простой уральской семьи, из провинциальной глубинки, вся история которой отрицает на корню всякого рода предположения о каких-либо связях или предопределенности судьбы. Или эта предопределенность была задана историческими корнями и тем, что мы называем движением рода, накоплением истории успеха, который теплится поколением обычной жизни и вдруг переживает невиданный взрыв личной успешности? Каким прихотливым замыслом судьбы студент магнитогорского техникума стал министром правительств Евгения Максимовича Примакова и Виктора Степановича Черномырдина, более того — их учеником

и соратником? Где и кем были заложены в этого человека силы и знания, позволившие ему создать систему современного российского права? Кто сформировал этот уральский характер, позволивший спорить с Борисом Николаевичем Ельциным?

Для ответа на эти вопросы нужна история времени, захваченная как можно глубже, нужен портрет самого человека, без прикрас и сторонних пересказов — напрямую. Нужна личность. Вот, собственно, изучение личности Крашенинникова и стало предметом наших многочасовых бесед, которые протекали мирно в самых разных местах. В московской квартире Павла Владимировича. В его рабочем кабинете в Государственной Думе России, что располагается на Охотном Ряду. В Екатеринбурге, где мы находили время для разговоров на улице, в баре гостиницы «Хайятт» и бог знает где еще.

Я, что называется, «лез под кожу». Крашенинников старался не сказать лишнего — человек он предельно корректный. Но мне удалось получить доступ к семейному фотоархиву Крашенинникова, и многие фотографии публикуются впервые. Впервые же в книге публикуются воспоминания его мамы, родственников, записанные в разные годы. Впервые предпринята попытка генеалогического исследования рода Крашенинниковых, а в этой истории, поверьте мне, есть достойные внимания сюжеты.

Это первая в России книга, целиком посвященная Павлу Владимировичу Крашенинникову, наполненная достоверной информацией от первого лица и личными замечаниями героя издания. Достичь доверия, которого я в ходе работы над текстом постарался ни в коем случае не разрушить, мне помогли наши общие уральские корни. Мы понимаем друг друга с полуслова.

Мы оба родились на Урале в один год — в 1964-м. Уральский характер, заложенный в нас, предопределяет своеобразную сдержанность — уральцы, как известно, «говорят, не разжимая губ». Уральский характер — это причудливая смесь природной интеллигентности, которую некоторые принимают за суровость, и неизбежного цинизма, вызванного необходимостью жить в трудных условиях, и очевидного идеализма порядочных людей, не слишком серьезно воспринимающих формальности, а превыше всего ставящих красоту человеческих отношений. Уральцы говорят: «Мы относимся к человеку не по паспорту». И вся острожная история освоения Урала старых и современных времен тому дает объяснение.

Урал, а значит, и уральцы, к коим мы с Крашенинниковым относимся в полной мере, — продукт уникальной прививки петровской цивилизации на Уральских горах. Волей Петра Первого россияне самых разных национальностей двинулись осваивать Уральские горы. Находили в тайге месторождения руд и камней, ставили заводы и города вокруг. Приходили не только вольными людьми, но и этапами — и в старые времена, и в новые. Уральцы — действительно суровые люди, и их можно понять.

Характерный пример — отношение Крашенинникова к Интернету. Обычно невозмутимый, Павел Владимирович, прошедший в Государственной Думе отличную школу психологической стойкости, буквально взбесился,

когда я, встретившись с ним в первый раз, задал наивный вопрос — служил ли он в армии, — держа перед собой его биографию, почерпнутую из Википедии. Оказалось — служил. И в хоккей играл. Что Википедия отрицала.

«Как можно не играть в хоккей, живя в Магнитогорске?!», — гневно вопрошал меня Крашенинников, размахивая цитатой из интернет-статьи небрежного журналиста, обвинившего его в незнании хоккея. Уж не помню по какому поводу случилась вся эта история — но пример характерен для описания его личности.

Обрушимся в причудливый водоворот русской истории трех последних веков — с великими и неизвестными именами, значимыми и ничтожными событиями — через судьбу одного рода, одного человека. Проясняя для себя предопределение судьбы и «роли личности в истории». Это так по-русски — задаваться вопросами «что делать?» и «как правильно жить?». Ответом послужит реальная история реального русского человека начала XXI века.

ВСТАТЬ РАНЬШЕ — ШАГНУТЬ ДАЛЬШЕ

Верное впечатление от человека при первом знакомстве определяется двумя вещами. Есть, правда, еще одно — пресловутое «встречают по одежке, а провожают по уму». Но эта экспертиза в реальной жизни зачастую дает сбой.

Вернее будет понять человека по его отношению к труду. К своему прежде всего. Чужой труд люди оценивают, как в ломбарде.

Выяснить, как Павел Крашенинников работает, тем более важно, что он пример человека, который «сам себя сделал».

Рождение в уральском Полевском в семье строителей-монтажников если что и заложило в основу будущей карьеры министра юстиции России и впоследствии ключевой фигуры Государственной Думы страны, так прежде всего качество человеческой природы.

«Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, кто ты». Этот тезис опровергает только тот, кто не может сказать: «И тут мы с Черномырдиным в баньку поехали...» Крашенинников сказать так может, хотя его явно покорило мой вопрос о баньках с председателями правительства России — он работал с Кириенко, Черномырдиным, с Примаковым.

«Это же не главное. После работы отчего же и в баньке не попариться...»

И еще одно: встретившись с Павлом Крашенинниковым в центре Екатеринбурга возле памятника Татищеву и де Генину, я поразился несходству впечатлений, которые оставляют его многочисленные фотографии в газетах, с реальным Крашенинниковым. На фотографиях — светлый человек с большим лбом философа и какой-то старорежимной интеллигентской бородкой.

В жизни передо мной стоял высоченный мужик с сильными руками, по-сматривая на меня сверху вниз умными глазами. Интеллигент-то он

интеллигент, и лоск столичный приобрел, но что вышел из уральской глубинки и прошел службу в армии, гоня на многотонном автомобильном кране, и что в карман за острым словом не полезет, а при случае и в ухо дать может — стало ясно со всей очевидностью.

— *Что там за история про баньки с Черномырдиным?..*

— Это же не главное, — поморщился Крашенинников. — После работы отчего же в баньке русскому человеку не попариться? А с Черномырдиным мы действительно были в дружеских отношениях. Острый на язык, очень умный, от природы мудрый человек. Он в жизни был гораздо лучше, чем в прессе его представляют. Надо сказать, что самый был кайф, когда напишешь ему доклад и потом слушаешь его с любопытством, потому что Черномырдин постоянно отвлекался от текста и «мочил свои корки». А поскольку в жизни он без мата почти не мог говорить, получалось так, что он слова проглатывает и начинает говорить с перескоками, с шуточками. И тогда получалось весело. На одной встрече с депутатами заявил: «Давайте мне все записки, я положу их в одно место».

— *А Евгений Максимович Примаков каким был? Правы ли те, кто считает его таким Иоанном Предтечей, в том смысле, что во многом правительство Примакова подготовило взлет России с приходом Путина?*

— Все говорят про знаменитый «разворот» Примакова, когда он, узнав о начале бомбардировок Югославии, приказал развернуть самолет, летевший в Америку на переговоры, и вернулся в Россию. Так вот я должен был быть в этом самолете с Примаковым. В Америке я должен был подписывать один из договоров, но Ельцин меня из списка делегации вычеркнул. Точнее, красным карандашом написал напротив моей фамилии «КПРФ» с восклицательным и вопросительным знаками. А это для помощников Ельцина было знаком, что выпускать нельзя. Ельцин относился к заграничным командировкам по-советски. Считал их наградой, а не работой.

Но для меня самый главный разворот был, когда мы подготовили так называемую пушкинскую амнистию 1998 года.

— *Почему «пушкинская»?*

— Амнистия была объявлена в связи с передачей всех тюрем России из ведения МВД в ведение Минюста. Принимали как раз в день рождения Пушкина. С этой амнистией связана известная история, когда Примаков на заседании Государственной Думы заявил: «Не думайте, что нары освободятся и будут долго отдыхать». После этих слов в зале

заседаний Госдумы — гробовая тишина, даже мухи все попадали. А затем началась настоящая истерика. Олигархи, и прежде всего Березовский, начали просто уничтожать Евгения Максимовича.

Примаков выстроил в России сбалансированную систему власти. Причем на коалиционных основах — ведь в его правительстве работали представители разных партий. Ельцин соглашался на его кадровые предложения, он вообще первоначально на все предложения Максима соглашался. У Примакова был карт-бланш. Он вернул авторитет власти в России, сделал ее работоспособной. При Примакове стали приниматься важные для страны законы и проходить через Думу, что до него было проблемой.

Сейчас, когда он умер, принято говорить, что у него не было врагов. Это полное вранье — у него была куча врагов, которые его систематически уничтожали. Прежде всего в администрации Ельцина.

— При назначении министром юстиции Вы встречались с Примаковым? Какую задачу он Вам поставил?

— Встречались постоянно. Евгений Максимович видел страну системно, вникал в работу Министерства юстиции, прекрасно понимая значение права. Именно под его руководством мы сделали Министерство юстиции главным законотворческим органом, ни один правовой акт в стране отныне не выходил без одобрения Минюста.

— Перейдя в 1999 году работать в Государственную Думу России, Вы изменили свой рабочий распорядок, сложившийся в правительстве?

— Я приезжаю на работу к восьми. Вне зависимости от того, где работаю.

— Нетипично для московских чиновников...

— Ну и что? Встаю в шесть. Гуляю с собакой и выезжаю пораньше, чтобы было меньше пробок. Мои подчиненные тоже с восьми работают.

— А когда заканчивается рабочий день?

— По-разному, все зависит от совещаний. Тесно работаю с Кремлем и с Белым домом. Больше даже с Кремлем. За 18 лет работы в Госдуме ни разу не допустил того, чтобы заседания моего комитета провел кто-то другой. Ни разу! Я доверяю своим замам, но не могу этого сделать, потому что отвечаю за работу комитета. Каждый день с утра просматриваю «Российскую газету», чтобы убедиться: законы опубликованы и вступили в действие.

Дело не в какой-то излишней педантичности. Дело в ответственности. С середины 90-х я участвовал в формировании правовой системы России. И несу за нее ответственность.

— *Какие требования Вы предъявляете к людям, когда берете их на работу?*

— Начиная с вопросов, что человек закончил, кто у него преподавал, на какие темы писал работы. Иногда приходят люди, которые даже не могут вспомнить текста своей дипломной работы. Списали, наверное, и не вникли. О чем с ними разговаривать? А дальше мы говорим не о зарплате, а об опыте, который человек получит, работая в нашей команде. Даже через год работы сотрудник будет цениться на рынке труда куда как выше.

— *Если подчиненный просится уйти с работы, например с ребенком проблемы, отпускаете?*

— Конечно, всегда иду навстречу. Особенно если это касается детей. У нас коллектив, где более половины состава — женщины. Кстати, если речь идет о назначении на большую должность, обязательно изучаю семейную историю претендента. История семьи многое говорит о человеке.

В СЕМЬЕ СОГЛАСНО, ТАК ВСЕ ИДЕТ ПРЕКРАСНО

Приступая к семейной истории самого Павла Крашенинникова, я мечтал об этакой Санта-Барбаре с бурными романами, метаниями и прочими поэтическими перипетиями. Но не тут-то было. Крашенинников даром что практически сразу после рождения в Полевском был увезен семьей в Магнитогорск — жизнь строителей-монтажников сродни офицерской, — но уральским воздухом надышаться успел. Да и учеба в Свердловском юридическом институте мимо не прошла. Крашенинников — настоящий уралец во всем, что касается семьи. Уральцы же, как известно, — люди строгие и этих самых поэтических метаний в семейном деле никак не приветствуют. Как и в целом суеты не любят. Поясницы у них гнутся трудно, говорят, не разжимая губ, — словом, на земле стоят прочно.

По этой причине или по какой другой, но в Интернете нет практически никакой информации о семейной жизни Павла Крашенинникова. Никаких скандалов, романов и перипетий. Везде одно и то же — «женат, дети». В Интернете мне не удалось найти имен детей, ни возраста, вообще ничего.

Многочисленные помойки, сливные бачки Интернета, всякого рода «компроматы.ру» бойко откликались на поисковые запросы «Крашенинников», но в итоге не давали буквально ничего действительно заслуживающего внимания. Не человек, а ходячая добродетель.

— *Павел Владимирович, Вы явно не герой бульварных романов! Почему в прессе так мало информации о Вашей семье? Скрываете?*

— А что скрывать-то? — искренне удивился Крашенинников. — То, что с женой знаком с двухлетнего возраста?

На мой, мягко говоря, недоуменный взгляд, усмехнувшись, пояснил.

— Так получилось, наши отцы вместе учились и работали. Мы и в садике вместе с Екатериной были.

— *А когда собственно семейная история началась?*

Крашенинников сделал паузу, словно пытаясь понять, куда это я клоню, и осторожно сказал:

— Чувства пришли после того, как вернулся из армии. А может, раньше. Мы к экзаменам вместе готовились. В школе еще, — и добавил ни к селу ни к городу: — В школе я такой разгильдяй был.

Может быть, имел в виду, что не сразу в подруге будущую супругу разглядел.

— В сентябре этого года будет тридцать один год семейной жизни. И пятьдесят один год знакомства, кстати, надо будет не забыть поздравить! — рассмеялся.

— *А дети?*

— Мише 30 лет, Маше — 28. Они появились, когда я был студентом и в последующем в аспирантуре учился.

— *Они по Вашим стопам пошли?*

— Оба изучали право в Московском юридическом институте имени Кутафина. Сейчас это университет. Сын пошел по специальности, кандидатскую защитил, а дочь — больше творческий человек. Она гуманитарий, еще и ВГИК закончила.